

RU

Цветовая триада «черный - белый - красный» в адыгской картине мира и ее функционирование в художественном дискурсе

Хараева Л. Х., Езаова М. Ю., Шугушева Д. Х.

Аннотация. Цель исследования - выявление специфических языковых средств, относящихся к колоронимам в кабардино-черкесском языке и репрезентирующих оценочные и эмоциональные личностные смыслы, а также обладающих определенным воздействующим потенциалом. Научной новизной работы является тот факт, что впервые определяются роль и место колоронимов цветовой триады «черный - белый - красный» в построении образов в адыгском художественном дискурсе, установлении лингвоцветового сегмента, культурного восприятия цвета, значимости цветолексем и цветообозначения в творчестве адыгских писателей и поэтов. Полученные результаты показали взаимосвязь между колоронимами и системой построения национальных и индивидуально-авторских художественных образов.

EN

Colour Triad “Black - White - Red”
in the Adyghe Worldview and Its Functioning in Artistic Discourse

Haraeva L. H., Ezaova M. Y., Shugusheva D. H.

Abstract. The aim of the study is to identify specific linguistic means related to colouronyms in the Kabardino-Circassian language representing evaluative and emotional personal meanings that have a certain influencing potential. The scientific novelty of the work is that for the first time the role and place of the colouronyms of the colour triad “black - white - red” in the development of images in the Adyghe artistic discourse, in the ascertainment of the linguo-colour segment, the cultural perception of colour, the significance of colour lexemes and colour designations in the Adyghe writers and poets’ creative work are determined. The obtained results have shown the relationship between colouronyms and the system for developing national and author’s individual artistic images.

Введение

Вопросы языковой категоризации, в том числе цветовой, находятся в фокусе современных направлений лингвистических исследований, таких как лингвокультурология, когнитивистика, теория дискурса. Особую значимость данная проблематика имеет в адыгском языкознании, в котором вопросы изучения способов цветовой категоризации и форм ее языковой реализации в разножанровых текстах приобретают особую актуальность.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выделить языковые единицы, обозначающие цвет, функционирующие в кабардино-черкесском языке, мифопоэтике, паремиях и литературе на кабардино-черкесском языке;
- выявить особенности проявления и функционирования цветописи в кабардино-черкесском языке и литературе;
- проанализировать специфику колористического воплощения образов в творчестве адыгских авторов.

Решение этих задач имеет практическую значимость, так как полученные результаты могут быть использованы в теоретических курсах по лексикологии и стилистике, лингвокультурологии, теории дискурса и адыгского языка в целом.

В работе используются традиционные методы исследования: описательный, семантико-стилистический, семантического поля – и современные подходы лингвистического исследования: когнитивный, лингвокультурологический и антропоцентрический.

Достоверность нашего исследования основывается на теоретической базе, представленной в научной литературе по данной проблематике.

Исследование базируется на научных трудах следующих ученых: А. П. Василевича (2003), А. Вежбицкой (1997), Л. В. Гатауллиной (2005), Б. Н. Жантуриной (2012), З. Ж. Кудяевой (2008), Ф. П. Федорова (1988), В. У. Тернера (1972), Л. Х. Хараевой (2017), Ф. И. Шемякина (1960), В. Berlin и R. Kay (1969). В основе изучения адыгских цветолексем лежат принципы универсальности человеческого цветовосприятия, объективного существования лингвоцветовой картины мира, которая находится в постоянном развитии, усложнении и уточнении, детализации цветового спектра, требующего вербализации. Решение этих проблем опирается на две основные гипотезы лингвистической относительности – Сепира-Уорфа и теорию Б. Берлина и Р. Кея. Этнические черты цветовой картины мира, специфика его сегментирования, цветовая категоризация, обусловленные средой обитания и традиционной материальной и духовной культурой языковой общности, рассматриваются в работах А. П. Василевича (2003, с. 13), А. Вежбицкой (1997). Вопросы концептуализации цветовой картины мира в разножанровых текстах от мифопоэтики до поэтического творчества на материале различных языков исследуются в монографиях З. Ж. Кудяевой (2008), Л. Х. Хараевой (2017).

В изучении цветолексем выделяют два подхода: культурный релятивизм и языковой универсализм. Согласно первому подходу, процесс цветономинации в различных языках имеет произвольный характер, что предполагает отсутствие четких границ в значениях цветообозначений. Второй подход обусловлен пониманием цвета как семантической универсалии, обладающей тремя взаимосвязанными признаками – оттенком, яркостью, насыщенностью. Базовой единицей является основной цветовой термин, отвечающий следующим критериям. Цветообозначение обладает рядом структурно-формальных признаков, а именно, оно может быть передано монолексемой или однокорневым словом, наделено дифференциальным значением и способностью опредмечивания различных объектов. Цветообозначение должно быть распознаваемым в потоке речи, поэтому слово со значением цвета должно быть употребительным и относиться к основному словарному составу языка (Гатаулина, 2005). Тот факт, что цветовая категория находится в постоянном фокусе научных интересов, объясняется визуальностью, реальностью позиции цвета в окружающей среде, что, естественно, требует вербализации в языке, а также возможностью выделения цветолексем в определенный словесный кластер, который доступен для лингвистического анализа в различных аспектах.

Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, мы воспринимаем мир отфильтрованным через семантические категории нашего родного языка, а цветовое именование в разных языках формируется как универсальными, так и специфическими для языка факторами. Теория Б. Берлина и Р. Кея (Berlin, Kay, 1969) постулирует универсальный характер эволюции цветоименований, представляющих собой семантическую универсалию. Одной из проблем цветовой картины мира является проблема возможной категоризации цвета. Ученые приходят к выводу о возможности категориального изучения цвета, в том числе выделения и анализа всего спектра – основных цветов и оттенков. Категория цвета является универсальной, так как она обусловлена всеобщим восприятием цвета, наличием цветового пространства и, как следствие, существованием цветовой картины мира как сегмента наивной картины мира, если рассматривать цвет в рамках теории концепта, – как сегмента концептуальной картины мира (Хараева, 2017, с. 133). Проблема категоризации цветового пространства непосредственно логически следует теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа, которая сводится к основной мысли о возможности различной категоризации действительности, обусловленной взаимоотношением между языком, его влиянием на речевое поведение. Рассматриваемая теория постулирует влияние родного языка на разнообразные этнические черты поведения, мышления, жизнедеятельности отдельного человеческого коллектива. Несмотря на универсальность человеческого мышления и языкового членения мира, в разных языках цветовое пространство имеет свою национально-окрашенную специфику цветообозначения, что согласуется с принципами антропоцентричности языковой деятельности.

Материалом исследования послужили языковые репрезентации цветообозначений, образующих триаду «черный – белый – красный». Экспериментальный материал представлен цветоименованиями в кабардино-черкесском языке на уровне мифопоэтики, а также индивидуально-авторскими цветоименованиями, используемыми в художественном тексте А. П. Кешокова, А. А. Шогенцукова, Л. А. Афаунова.

Основная часть

Формирование цветовых систем в культуре разных народов происходит одновременно с возникновением первых космогонических символов, первых магических обрядов и ритуалов. Исследования древнейших культур, а также работы по теоретической семантике показывают, что уже в каменном веке люди особо выделяли три базовых цвета: белый, красный и черный. Противостояние Бога и дьявола как центральный концепт христианства обусловило бинарность колористических представлений и впоследствии спроецировалось на аксиологические ярусы восприятия. Однако конфессиональное сознание лишь усилило уже существующую оппозицию колоративов. Наиболее стабильная и частая цветовая оппозиция «белое» – «черное» восходит к античному прототипу «свет» – «мрак», в свою очередь являющемуся эстетической модернизацией философского конфликта «Хаос» – «Универсум», в котором последний член понимается как «упорядочение» (Федоров, 1988, с. 581-582). Вполне предсказуемым выглядит вывод о противопоставленности контрастных

цветов – черного и белого – практически по всем оценочным, сенсорным и эмоциональным характеристикам. Вторая стадия характеризуется появлением красного цвета в универсальном человеческом цветовосприятии. Первым выделил эту закономерность В. У. Тернер (1972, с. 76), который утверждает первичность и универсальность, а также выдающееся значение триады «белый – черный – красный». Большинство исследователей солидарно с этим мнением. Но в то же время некоторые ученые говорят, что в универсальной триаде «белый – черный – красный» последний цвет – красный – выделился первым в культурно-языковом освоении цветового пространства, важное значение которого в жизни людей на раннем этапе развития человечества обусловлено тем фактом, что данное цветообозначение соотносится с цветом крови и огня (Шемякин, 1960, с. 29, 48). Идентификации красного цвета отличаются у разных этносов, что обусловлено специфической жизнедеятельности и среды обитания.

Выделив группу «основных» цветообозначений, Б. Берлин и Р. Кей (Berlin, Kay, 1969) утвердили стадийный характер появления различных цветовых понятий. Таким образом, универсальный характер носит и эволюция цветообозначений, которая является, по нашему мнению, следствием многочисленных факторов лингвистического и экстралингвистического характера, а также следствием широкого использования колоримов в художественных целях в качестве наиважнейшего экспрессивного средства, традиция использования которого уходит в далекое прошлое (Хараева, 2017, с. 134). В адыгской картине мира можно выделить несколько концепций в творчестве писателя А. П. Кешокова. В связи с этим изучение особенностей его художественного мировоззрения представляется особенно актуальным на фразеологическом языковом материале указанного автора, в котором наиболее ярко проявляется «дух народа» (Шугушева, 2017).

Как утверждает А. Вежицкая (1997, с. 286), цветообозначения являются результатом влияния перцептивно-концептуальных факторов на формирование лингвистических категорий и их соотносённость с действительностью. Каждый отдельный цвет, пишет Б. Н. Жантурина (2012, с. 68), ассоциируется с прототипическими денотатами – эталонными носителями цвета. Но цветовые термины не отражают все поле цвета, что приводит к необходимости появления вторичных номинаций цвета, использующих самые разные языковые ресурсы. Несомненно также и существование цвета как лингвокультурной категории, закреплённой в сознании носителей языка, которая в процессе своего развития находится в стадии иерархизации в культуре. Язык может выражать идею цвета, апеллируя к визуальной модальности восприятия, то есть символика цвета передается цветолексемами, словами, в семантической структуре которых есть значение цвета или обозначающими некую реалию, связанную ассоциативно с каким-либо цветом. Процессы формирования цветообозначений психолингвистами объясняются в рамках теории прототипов, которая постулирует образование большинства цветолексем от названий предметов, имеющих определенную окраску (Родионова, 2007). Тем самым подтверждается мысль о способности цвета к опредмечиванию, обосновывается связь этих слов и их значений с предметами, для которых одной из их основных характеристик является цвет. Следовательно, можно говорить о мотивированности этих цветолексем, о том, что в основе номинативной деятельности лежит мотивировочный признак цвета. Мотивированные цветоименования представляют особый интерес в силу своей большой ассоциативности, что облегчает выяснение цветовых предпочтений представителей различных лингвокультур в выборе мотивации цвета (Хараева, 2017, с. 136-138).

Мотивированность цветолексем, восходящая к прототипическим денотатам, наиболее ярко проявляется в наивном языковом сознании, находит свое отражение в мифопоэтике и фольклоре, поэтому анализ цветоименований в адыгской картине мира логично предварить замечками о символике цвета в системе адыгских мифопоэтических представлений.

В национальном эпосе с красным цветом связано противопоставление полов, в котором белый соотносится с женским началом, а красный – с мужским (Кумахов, Кумахова, 1998).

Красный цвет – цвет плодородия, благополучия и изобилия. *Нартыху плъыжь дыхэпсэмэ, гъавэр бэв мэху.* / Букв: «Если вместе с зерном посеять красную кукурузу, то урожай будет богатый». *Гъатхэм япэу хъндырабгъуэ плъыжь плъагъуну фыцц, жагэрт* (народная примета). / «Согласно примете, весной видеть первой красную бабочку – к добру». *Жэм лъхуагъаццэм и кэм хъыдан плъыжь кгэраццэрт, нэ темыхуэн цхъэккэ.* / «Отелившейся корове, чтобы ее не глазили, к хвосту привязывали красную тряпку». В приметах-правилах символика красного цвета имеет ярко выраженную сакральную мотивировку и однозначно позитивную оценку. Красный – цвет жизненного начала, поэтому одежда красного цвета недопустима на кладбище, так, красный, символизируя жизнь и благоденствие, не совместим с территорией смерти. Здесь обнаруживается дихотомия «жизнь» – «смерть», «этот мир» – «тот мир». *Щыгъын плъыжь пцыгъыу кхъэм удыхъэну фыккъым, жагэрт* (народная примета). / «Говорят, что в красной одежде заходить на кладбище нехорошо» (Кудаева, 2008, с. 97).

Черный является самым темным в цветовом спектре. Это сумма всех цветов и в то же время отрицание наличия цвета. Это предел, пустота. Черный и белый – начало и конец – являются двумя крайностями цветовой палитры, а в языковом сознании – крайними пределами своеобразной шкалы нравственных ценностей.

При помощи черного цвета выражается ненависть, вражда, он выступает кульминацией символики многих негативных эмоций, переживаний, состояний, беды, мучений: *Джэду фыццэ яку дэжац* (фразеол.) / «Поссорились» (букв.: «Между ними пробежала черная кошка»).

Джэду фыццэ уиэну фыккъым, жагэрт (народная примета). / «Говорят, что держать черную кошку в доме – плохая примета».

Сымаджэм и нэгур кызыгъыац, и напцлэхэр езыр-езыру зэхуэфэжац, пшэ фЫццлэ жьауэ кытриццлэм хуэдэу (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 395). / «Лицо у больного стало хмурым, веки сами по себе опали, как будто черные тучи бросили тень».

Шцы фЫццлэм цыгъыац, кээгъуэт (фразеол.). / «Достань хоть из-под земли» (букв.: «Найдите, даже если он ушел под черную землю»).

Лэл фЫццлэу кызыгъуэжлэц. / «Очень рассердился» (букв.: «Превратился в зверя»).

Си гур уфЫццлэц (фразеол.). / «Измучиться» (букв.: «Мое сердце почернело»).

Шцы фЫццлэжыым еггэлэн (фразеол.). / «Обременить» (букв.: «Загнать его в черную землю»).

Жьэн фЫццлэ сиццлэц (фразеол.). / «Достал, измучил» (букв.: «Мои легкие сделал черными»).

Черный цвет дает нелестную характеристику, нравственную оценку путем сравнения с различными феноменами окружающей действительности, связанными в обыденном сознании с негативными эмоциями, реализуя в языке крайнюю степень неприятия: *Дзэ фЫццлэм хуэдэ* (фразеол.). / «Как полчище» (букв.: «Похоже на черное войско»).

Вындым хуэдэу фЫццлэц (фразеол.). / «Очень черный» (букв.: «Черный как грач»).

Шцай фЫццлэжы и уасэкъым (фразеол.). / «Не стоит и гроша» (букв.: «Не стоит и черного гроша»).

Бэдж фЫццлэм хуэдэц (народная примета). / «Как черный паук; опасный».

Зи шэрэз бзаджэр блэ фЫццлэц (народная примета). / «Острый на язык как змея; злословить» (букв.: «У кого жало хитрое, тот черный змей»).

Черный цвет получает свою реализацию в коммуникативных высказываниях – директивах, в которых представлена архетипическая связь между черным цветом и тьмой, мраком, несчастьем. Но следует отметить амбивалентность черного цвета. Так, в адыгской мифологии «черный мужчина», как правило, персонаж положительный (например, образ Сосруко из адыгского нартского эпоса: *Лы фЫццлэ гъуццлэ*. / «Сильный, мужественный» (букв.: «Черный мужчина с железными глазами»), а «черная женщина» – отрицательный:

Фыз фЫццлэ нацхуэ уэри кыумышэ, фЫуэ плэагъуми кыумыгъашэ (Гутова, 2006, с. 8). / «Не женись на смуглой женщине с серыми глазами, и не позволяй жениться другу на такой».

Фыз фЫццлэ нэ къуэлэн уи дзыхь йомыггэз (Гутова, 2006, с. 9). / «Не доверяй смуглой кареглазой женщине».

Большое эмоциональное воздействие оказывает черный цвет в описании природы.

Уэздэггэнэфыр ункЫфЫпац, цхьэтепхуэ фЫццлэжэ жэцым хурягъыр иуфыгъац (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 72). / «Коптилка совсем погасла, ночь покрыла все кругом как будто черным платком».

Если черный цвет в основном вызывает негативные эмоции, белый цвет актуализирует в себе значение нейтральности, безразличия. Языковая символика белого цвета у адыгов, как практически во всех известных лингвокультурах, отражает систему этических ценностей, таких как благородство, душевная чистота, честность, честь, достоинство, любовь, что нашло свое преломление в пословицах и поговорках, выражающих этнические принципы нравственности и морали: *Зи псалгэ нахуэм и напэр хужыц* (народная примета). / Букв.: «Совесть чиста у того, у кого слова правдивы».

Уэсым хуэдэу хужыц (народная примета). / Букв.: «Чист как белый снег».

Напэ хужыкИэ (народная примета). / «С чистой совестью» (букв.: «С белым лицом»).

Къуарггэрэ пэт, и шырым «хужь цЫкГукИэ» йоджэ (народная примета). / «Любить свое» (букв.: «Даже ворона свое дитя называет “мой беленький”»).

Ари пэжац, шакгэ хужьыриц уэ нэхэ укэзыцлэлэнур (КЫщокъуэ, 2007, с. 68). / «И то правда, тебя больше испачкают белые чернила».

Хужь заццлэну я гуггэжу Къуарггэхэр уэсым хэсц (АфИэунэ, 1997, с. 69). / Букв.: «Стараясь стать белыми, вороны сидят в снегу».

ПцЫр Гуданэ хужькИэ дац (народная примета). / «Ложь станет явной» (букв.: «Ложь шита белыми нитками»).

Статусно-ролевые отношения во многих национальных культурных традициях маркируются цветовой антиномией «белый – черный».

Къуццхэ хужь (фразеол.). / «Знать, белая кость». В народном сознании белый цвет приобретает противоположное отрицательное значение лени, безделья.

Лэпэ хужь – цхьэх зымыццлэ (народная примета). / «Белые (золотые) руки – не знающие устали».

Белый цвет метафорически может обозначать породу, необычность, сингулярность.

Шым и натИэм хужьышхуэ исмэ, натИэ гъуджэц, хужь маццлэ исмэ, натИэ вагъуэц (народная примета). / Букв.: «Если у коня большое белое пятно на лбу, его называли “зеркальный лоб” (т.е. гладкий), а если белое пятно маленькое, то это “лоб со звездой”».

Къуарггэ хужь (фразеол.). / «Белая ворона», символизирует отличие от других.

Значительная роль белого цвета в обозначении красоты человека, всего его облика. Красивую женщину называют *тхьэррыкыуэ пцэху* – белогрудая голубка, *нэКлуху* – белолицая.

Сыт хуэдизрэ къедэхэццлэ, сыт хуэдизрэ къецэбэКлэ лэжыггэ куэдым ажмыж възгу ццццлэ а Ишхуэр Хьангуацэ и цЫфэ хужыым! (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 394). / «Сколько раз гладили, сколько времени были мягкими для белой кожи Хангуаша эти большие руки, огрубевшие от работы».

Си пцэм пцццлэу ирешэКИэ хужьитИыр (КЫщокъуэ, 2004, с. 58). / «Спеша обвивает мою шею своими белыми ручками».

Уэсу бостей хужьыбзэм джэдынэу хурей фЫццлэ цЫкГухэр хэпхуэу цыггт (Къэрмокъуэ, 2004, с. 34). / «Она была одета в белоснежное платье, усыпанное черными, как куриные глазки, точками».

Присутствие белого цвета в описании окружающих реалий, предметно-пространственной среды объясняется воздействием природного окружения. Как правило, белый цвет в описании природных феноменов имеет положительную коннотацию, так как символически связан с чистотой.

Дэнэжэ улгэмэ уэс хужь дахэр Уи тафэ гзуабжэхэм кытохьэ; Чэсей хужь джанэхэр ди хьэсэм (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 13). / «Куда ни помотришь, чистый белый снег ложится на землю, как белоснежные рубашки на грядки».

Нышэдибэ кээнжалыр хужь нэху кьекIац, арицхьэкIэ кьулшыкьзу хьухукIэ текIыжац (Кыщокьуэ, 2005, с. 70). / «Утром крыша была белой, но до десяти часов утра все растаяло».

Кьуажэм псыдзэ кьыцIэуа хуэдэу, дэнэки гьазэ, псы инар уэрамхэм дэзт, жьгхэри, унэхэри, уафэ цхьуантIэ, пшэ хужь Iэрамэхэри цызырзыхьэу кьыцу (Кыщокьуэ, 2007, с. 3). / «Как будто потоп в селе, всюду видны лужи, где отражаются деревья, дома, небо голубое, белые тучи».

Мес, шэ лэдий хужьхэр зыр зым кIэлъыкIуэу уэру пэгуным йолгадэ (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 8). / «Вот, белые молочные потоки один за другим отправляются в ведро».

Мазэр Iэ хужькIэ бгым толгацIэ (Кыщокьуэ, 2004, с. 9). / «Месяц белыми ручками поглаживает горы».

Мысхууд и гугьэ хыхьыпат мы дунейм зы хужьагь илгэгьужын имыгузгэу (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 59). / «Мысхууд потерял всякую надежду на то, что он когда-нибудь увидит что-то светлое (букв.: “белизну”, т.е. чистоту) в этом мире».

Белый цвет может обозначать крайнюю степень волнения, негативной эмоции:

Апхуэдэурэ и фэр хужьыбзэ хьуат, псэуми лами умыцIэу (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 3). / «Он постепенно побледнел, побледнел настолько, что невозможно было определить, жив он или мертв».

Известные этнокультурные традиции описывают видимую реальность в противопоставлениях, начиная с универсальных, из которых в дальнейшем получают развитие более сложные, бинарные оппозиции. Цветовые обозначения формируют и культурные коды, присущие человеку, и универсальны. И их вербализация в отдельной культуре, в которой они реализуются, национально детерминирована (Езаова, 2017). В речи адыгов употребляются иносказательные, табуированные высказывания с использованием цветовых обозначений, предназначенные скрывать негативные черты характера старшего поколения. Так, уважительное отношение к возрасту вплетено в картину мира народа, сформированные табу стали нормой жизни (Езаова, Карданов, Шугушева, 2019).

ЖьаIэр хужь хьумэ, фIыцIэ хужькьым (народная примета). / «Что прошло, того не вернуть» (букв.: «Если борода стала белой (поседела), то она уже черной не станет»).

Красный цвет как один из компонентов универсальной триады олицетворяет страсть, агрессию, любовь, радость, борьбу, вызов судьбе, ярость, воодушевление, раздражение, отторжение, энергичность, восторг, движение, тепло, сексуальность, напряженность, внимание, опасность. Ему соответствует сенсорное ощущение жажды, его эмоциональное содержание – желание. В адыгской картине мира красный является показателем сильных эмоций, чаще всего стыда или, наоборот, гордости, радости:

МаскIэм хуэдэу кьызыцIэнэн (фразеол.). / «Покраснеть» (букв.: «Покраснел, как красные угли, раскаленный уголь»).

Цьылгьу кьызыцIэнэн (фразеол.). / «Покраснеть».

И нэр Iуданэ пльыжькIэ кьэдыхьац (фразеол.). / «Покрасневшие глаза» (букв.: «Глаза будто обшиты красной нитью»).

ПцIы иупс пэтрэ пльыжь хьукьым (фразеол.). / «Врет и не краснеет».

Замирэт нэхь пльыжьыж кьэхуац (Кьэрмокьуэ, 2004, с. 36). / «Замират еще больше покраснела».

А псор зэригьэзахуэу, ицIэнур имыцIэжу зэм пльыжь, зэм хужь хьуэу цыст Замирэт, псалгэмакьри зэхимыхуэ (Кьэрмокьуэ, 2004, с. 73). / «Все это обдумывая, не зная, что делать, Замират сидит, то краснея, то белея, не слыша разговора».

Софят зэуэ пльыжь мэхьури и цхьэр еггэлъахьшэ, и напIэхэр ирехьэх (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 66). / «Софят сразу покраснела и поникла, опустила глаза».

Аружан пльыжьу кьызыцIэнат, и нэкум пцIэнтIэпс кьекIуат, гушхуагьэкIэ и гур зельтэрт, гухэхуэ инкIэ и нитIыр лыдырт (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 88). / «Аружан покраснела, лицо стало потным, сердце трепетало от гордости, глаза светились радостно».

Красный ассоциируется с гневом, опасностью, физическим недомоганием:

Хьы цэкI пльыжь илгэгьуа хуэдэ (фразеол.). / «Разъяренный; разозлиться сильно» (букв.: «Похож на быка, увидевшего красный материал»).

Дэп пльыжьу кьызыцIэнац (фразеол.). / «Рассердиться» (букв.: «Стал красным, как раскаленный уголь»).

Шэ пльыжь кьрапхьых (Кыщокьуэ, 2004, с. 13). / «Раскаленные (красные) пули сыпятся».

И пльыжьэрагьри нэхь мацIэ хьуац (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 4). / «Краснота и жар стали меньше».

В целом красный цвет имеет жизнеутверждающую символику, детализируясь в образах, выражающих красоту, яркость, нарядность, праздничность:

Пэжу, ар пльыжь игьуэджэжкьым – нэкуцхьэплэ зэкужц, еггэляуэ фэ лей зэрихьэркьым, и пкьым йокIуж (ЩоджэнцЫкгу, 2000, с. 11). / «Правда, не слишком красное (речь о внешности парня) – румянец красивый, и не слишком упитанный, красив по-своему».

Мес, кхуэуцыныцхьэ тхьуэплхэр нэхэри зэцIегганэ, жьг Iэдийхэм дыцIэпс ярекIых, «Зорькэм» и бгьуэцIыр зэрыпльыжьым и лейуэ дэп жьэражэ ецI, шыгьуэу хьэсэ бгьуфIэхэри зэцIецтэ – псори мэтхуэплэ, гуапэу

зэщосыкI (ЩоджэнцIыкIу, 2000, с. 9). / «Вот, красные черепицы еще больше разгораются, деревья покрываются золотом, склон “Зорьки” становится бордовым, охватывая и широкие склоны, – все становится румяным, красиво светится».

Красный цвет динамичен, амбивалентен, потому что может символизировать как жизнеутверждающее начало, так и деструкцию, болезнь, смерть, уничтожение, что является продолжением мифопоэтической традиции.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В создании целостной картины мира важную роль играет цветоощущение как часть зрительной информации. Текстовые единицы с семантикой цвета создают не только наглядный образ, они несут дополнительную информацию и определённые эмоционально-экспрессивные оттенки.

Цветовые наименования конкретного языка имеют ярко выраженную национально-культурную специфику и являются значимыми элементами для построения фрагмента национальной картины мира соответствующей лингвокультурной общности.

На основании данных о названиях цветов в языке, рассматриваемых в процессе их эволюции, можно судить о его историко-культурном развитии.

Доказано, что цветопись в художественном дискурсе является важнейшим экспрессивным средством и несёт глубокую идейно-художественную и эмоциональную нагрузку. Языковые единицы с семантикой цвета, или колоронимы, способствуют не только созданию визуальных образов, но несут дополнительную информацию эмоционально-экспрессивного свойства.

Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении адыгских колоронимов в их эволюции с целью построения полной лингвоцветовой картины мира как фрагмента адыгской картины мира.

Источники | References

1. АфIэунэ Л. А. Сабийхэм папщIэ усэхэр. Нальчик: Эльбрус, 1997.
2. Василевич А. П. Языковая картина мира цвета: методы исследования и прикладные аспекты: дисс. ... д. филол. н. М., 2003.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
4. Гагаулина Л. В. Роль цветообозначений в концептуализации мира: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2005.
5. Гугова Л. А. Адыгские пословицы и поговорки: ситуативный контекст функционирования. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2006.
6. Езаова М. Ю. Языковые культурные коды в лексико-семантическом поле родства кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-3 (77).
7. Езаова М. Ю., Карданов М. Л., Шугушева Д. Х. Проявление табу в системе родства адыгских языков // Филоlogos. 2019. № 1 (40).
8. Жантурина Б. Н. Метафоры на основе перцептивного компонента (на материале русского и английского языков). М.: Принт Люкс, 2012.
9. Кудалева З. Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008.
10. Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998.
11. Къэрмокъуэ М. М. Щыхухэр иджыри мэI. Нальчик: Эль-фа, 2004.
12. КЫщокъуэ А. П. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Нальчик: Эльбрус, 2004. Т. 1. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ.
13. КЫщокъуэ А. П. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Нальчик: Эльбрус, 2005. Т. 2. Хъуэпсэгъуэ нур.
14. КЫщокъуэ А. П. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Нальчик: Эльбрус, 2007. Т. 6. Рассказ. Повесть. Пьесэхэр.
15. Родионова Е. В. Языковая актуализация цветообозначения в антропо-когнитивном аспекте: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2007.
16. Тернер В. У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах // Семиотика и искусствометрия / сост. и ред. Ю. М. Лотман, В. М. Петров. М.: Прогресс, 1972.
17. Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинантне, 1988.
18. Хараева Л. Х. Символика цветообозначений в языке поэзии Артюра Рембо // Проблемы общего и частного языкознания: лексико-грамматический и лингвокультурологический аспекты: коллективная монография / отв. ред. З. Х. Бижева. Нальчик, 2017.
19. Шемякин Ф. И. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его значение) // Известия Академии педагогических наук РСФСР. 1960. Вып. 113. Мышление и речь.
20. Шугушева Д. Х. Фразеологическая репрезентация концепта ГУ (сердце) в произведениях А. П. Кешокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-3 (77).
21. ЩоджэнцIыкIу А. А. Тхыгъэхэр. Нальчик, 2000.
22. Berlin V., Kay R. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley - Los Angeles: University of California Press, 1969.

Информация об авторах | Author information**RU****Хараева Лариса Ханбиевна**¹, д. филол. н., доц.**Езаова Мадина Юрьевна**², к. филол. н.**Шугушева Джулета Хабасовна**³, к. филол. н.^{1, 2, 3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик**EN****Naraeva Larisa Hanbievna**¹, Dr**Ezaova Madina Yurievna**², PhD**Shugusheva Dzhuleta Habasovna**³, PhD^{1, 2, 3} Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik^{1, 2, 3} shugushd@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 02.06.2022; опубликовано (published): 29.07.2022.

Ключевые слова (keywords): колороним; художественный дискурс; категоризация цвета; лингвоцветовая картина мира; эволюция цветоименований; colouronym; artistic discourse; colour categorization; linguo-colour worldview; evolution of colour names.